

турами, интеркультурной коммуникации в и посредством современных прессы, радио, телевидения и Интернет.

С учетом всего вышеизложенного представляется возможным говорить о формировании самостоятельного направления гуманитарной науки – **интеркультурной коммуникативистики**, открывающей новые перспективы для исследователей процессов интеркультурной коммуникации с учетом последних технологических достижений 21-го века.

Источники и литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М., 1990.
2. Голубовська І.О. Етнічні особливості мовних картин світу. – К.: Логос, 2004. – 284 с.
3. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
4. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005. –352с.
5. Почепцов Г. Теория коммуникации. – М., 2001. – 656 с.
6. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М., 2004. –288с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация.–М., 2000. – 260 с.
8. Ehlich K. Interkulturelle Kommunikation // Kontaktlinguistik. Ein internationales Handbuch.– Berlin/New York, 1996. – S. 920–931.
9. Hall E. The Silent Language. – N.Y., 1990.
10. Hansen K. Kultur und Kulturwissenschaft. – Tübingen/Basel, 1995.
11. Heringer H. Interkulturelle Kommunikation. – Tübingen/Basel, 2004. – 240S.
12. Hess–Lüttich E. Interkulturelle Kommunikation // Wozu noch Germanistik? Wissenschaft – Beruf – Kulturelle Praxis. – Stuttgart, 1989. – S. 176–192.
13. Hess–Lüttich E. Medienkultur – Kulturkonflikt. Massenmedien in der interkulturellen und internationalen Kommunikation.– Opladen, 1992.
14. Jandt F. Intercultural Communication.– Thousand Oaks/London/New Delhi, 1998.
15. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen.– Opladen.1996.
16. Redder A., Rehbein J. Arbeiten zur Interkulturellen Kommunikation. – Osnabrück, 1987.
17. Rehbein J. Interkulturelle Kommunikation. – Tübingen, 1985.
18. Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. Menschliche Kommunikation. Formen, Störungen, Paradoxien. – Bern, 1969.
19. Wierlacher A. Kulturthema Kommunikation. – Möhnesee, 2000.

Петренко Д.А.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КОНКРЕТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

В германистике последних десятилетий отмечается особый интерес к проблемам языковой вариативности, которая непосредственно связана с социальными явлениями. Как отмечает О.Е.Семенец, "любой язык обслуживает конкретное языковое сообщество, которое представляет собой совокупность людей, владеющих в той или иной мере данным языком" [1, с. 8].

Одной из центральных задач социолингвистики является анализ функциональных особенностей языка применительно к конкретной языковой ситуации. Функциональные возможности языка всегда связывают с его ролью в конкретном обществе, исполнением им своих задач в различных социальных сферах. Языковая ситуация представляет собой взаимодействие языков и различных форм его существования в процессе обслуживания ими всех социальных сфер жизни того или иного народа.

В лингвистике распространилось мнение, согласно которому языковая ситуация – составная часть многогранной структуры социальных отношений в рамках того или иного общества. По мнению В.А.Аврорина, языковую ситуацию характеризует взаимодействие многочисленных условий и элементов, составляющих ее структуру и располагающихся на разных уровнях. К важнейшим из них относят реальные социально–исторические условия. Сферы жизнедеятельности народа, их набор и характер могут меняться вследствие исторических и социальных процессов. Все это немедленно отражается на характере форм существования языка и приводит к изменениям в языковой ситуации [2, с. 6–12].

С точки зрения функциональной стратификации развитые национальные языки представляют собой иерархически организованные и исторически сложившиеся системы различных форм их существования. Традиционно к ним относят литературный (или стандартный) язык, разновидности обиходно-разговорного языка и местные диалекты. Подобная дифференциация опирается не только на исторический опыт развития языков, но и полностью отражает реальную языковую ситуацию не только современной Европы, но и многих других государств мира.

Осуществляя в процессе коммуникации разные функции, формы существования немецкого языка, например, находятся в его функциональной системе в отношении взаимодополнения. Как полагает Н.И.Филичева, данные формы исследуются в качестве отдельных моносистем в известной абстрагированности от макросистемы в целом [3]. Современный немецкий язык функционирует как средство общения в

нескольких государствах, имеет полинациональный характер и используется реально в виде нескольких национальных вариантов. Поэтому структура функциональной системы немецкого языка в основных странах его распространения, состав и характер объединяемых ею форм существования языка, а также социальный статус последних обнаруживают четкую дифференциацию, обусловленную спецификой общественного развития в том или ином немецкоязычном государстве и исторически сложившейся в нем конкретной языковой ситуацией.

При описании коммуникативных норм использования форм существования немецкого языка и языковой ситуации в немецкоговорящих странах используется понятие диглоссии, введенное Ч.Фергюсоном. Под этим понятием рассматривается функциональная дистрибуция форм существования, из которых одна занимает верхний, а другая низший страт в коммуникативной системе определенной языковой общности. Как отмечает В.Беш, функциональная дистрибуция форм существования в странах немецкого языка обнаруживает различия, проявляющиеся в разной профилированности и в разной стабильности [цит. по 4: 55]. Можно согласиться с Н.И.Филичевой, что языковую ситуацию в немецком ареале характеризует расширение социальной базы литературного языка. Тем не менее, вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что в использовании других форм существования немецкого языка проявляется т.н. "коммуникативная несостоятельность". Действительно, во многих социальных сферах диалект не может выступать в качестве единственного коммуникативного средства, хотя он используется многими носителями языка. По мнению Р.Герман-Винтер, посредством смены языковых средств – от литературных до диалектных – говорящему удается воздействовать на коммуникативного партнера, привлечь его внимание, заинтересовать, он обращается к чувствам последнего, старается добиться положительного отношения к своим мыслям и высказываниям [5, с. 159].

За последние десятилетия подверглось существенному уточнению центральное теоретическое понятие – "литературный язык". Длительное время оно отождествлялось с понятием "национальный язык". С литературным языком связывалось представление лишь о литературном языке периода становления нации, поэтому он отождествлялся с понятием национального языка. Многие немецкие языковеды вообще не выделяли понятия "национальный язык", а для обозначения литературного языка эпохи становления нации пользовались терминами "письменно – литературный язык" (*Schriftsprache*), "единый язык" (*Einheitssprache*), "литературная языковая норма" (*Hochsprache*, *Kultursprache*). С начала 70-х годов между этими двумя понятиями и обозначаемыми ими явлениями проводится все более четкое различие. Впервые это было сделано в работе М.М.Гухман "Литературный язык" [6].

В отличие от литературного языка национальный язык представляет собой не одну из форм существования языка, а определенный исторический этап в развитии всех форм его существования. Национальный язык характеризуется иерархической структурой: его ядро образует национальный литературный язык, периферию составляют территориальные диалекты, а в большую промежуточную зону между ними входят разнообразные наддиалектные формы языка, например, разговорный язык.

Таким образом, двумя полюсами ряда вариаций являются диалект и стандартная вариация – *литературный язык*. Литературный язык является одной из форм существования языка наряду с территориальными диалектами, полудиалектами и разновидностями обиходно-разговорного языка. Главными чертами, характеризующими литературный язык являются его поливалентность, стилевое многообразие, отбор и регламентация языковых средств и наддиалектная специфика.

В основе системы немецкого языка располагаются территориальные диалекты, разновидность которых представляет собой на сегодняшний день довольно широкую палитру. Диалекты могут использоваться говорящими и за пределами зоны своего распространения. Как подчеркивает А.И.Домашнев, чем шире лингвосоциум, обслуживаемый диалектом, тем он более неоднороден и тем многообразнее прагматические задачи, которые решаются коммуникантами в процессе речевой деятельности. Следствием этого является появление новых вариаций – полудиалектов (*Verkehrssprachen*), обиходно-разговорных языков (*Alltagssprachen*) и т.д., вплоть до литературного языка [8: 143].

Языковые формы, располагающиеся в пространстве между территориальными диалектами и литературным языком, образуют особую разновидность языка, которую чаще всего определяют как *разговорный язык*. Ввиду того, что разговорный язык с трудом поддается точному определению и вычленению, возникает противоречивость его трактовки и определений.

Определение понятия немецкого разговорного языка (*Umgangssprache*) не раз подвергалось систематизации в немецкой лингвистической литературе. Так, например, Й.Радтке приводит 20 терминов, которые используются для определения этого явления. Нетрудно заметить, что все трактовки разговорного языка связаны, прежде всего, с различными дефиниционными подходами. С одной стороны, это критерии социолингвистического характера: *Geschäftssprache*, *Arbeitssprache*, *gemeinsame Verkehrssprache*, *gebildete Umgangssprache*, *Durchschnittssprache*. С другой стороны, на передний план выдвигается их региональные особенности: *landschaftliche Umgangssprache*, *regionale Gemeinsprache*, *Gegendsprache* [7: 128].

Важной особенностью языковой ситуации в немецкоговорящих странах является значительное расширение употребления обиходно-разговорного языка во всех его разновидностях, от сближающихся с диалектом до приближающихся к литературному языку. Региональный вариант обиходно-разговорного языка в процессе коммуникации нередко приобретает особую функциональную нагрузку. Так, Г.Шенфельд, исследовавший сферы применения берлинского варианта обиходно-разговорного языка на промышленных предприятиях Берлина, показал, что берлинский полудиалект нередко используется в контактоустанавли-

вающей и эмоциональной функциях. Например, представители руководства предприятия, которые в деловой обстановке говорят на литературном языке, в индивидуальных беседах с рабочими в целях создания непринужденной товарищеской атмосферы сознательно применяют берлинский полудиалект [из: 4, с. 115, 204–205].

Действие регионального фактора носит в языке четко выраженный дивергентный характер. Однако это препятствует осуществлению его главной функции – коммуникативной, поскольку противоречит тенденции к интеграции общества по мере развития его социальных, культурных, экономических и политических структур. В любом языке отмечаются поэтому центростремительные тенденции, ведущие к формированию надрегionalных форм, что диктуется всей логикой развития общества.

Социолингвистические исследования последних десятилетий значительно обогатили представления о зависимости языковых структур от региона их распространения. Они показали, что региональный фактор неотделим от социального и является вместе с диахроническим "источником лингвистической вариативности, которая служит базой для "социализации" языкового варьирования" [9, с. 61].

Изучение, так называемых, групповых языков свидетельствует о тесном переплетении (*Ineinandergreifen*) территориальных и социальных факторов при формировании таких языковых образований, как местные и городские языки (Schlieben-Lange, Dittmar, 1982). Это наблюдение можно считать отражением принятого в социологии положения о том, что социальные группы, классы, слои и т.п. нельзя описать без учета их регионального положения, которое в значительной степени определяет специфику социального структурирования (Mattheier, Besch, 1985).

Современная языковая ситуация в Германии представляет собой сложное явление, включающее в себя факты социально-исторического развития, получивших отражение в структуре немецкого языка, формах его существования. Социальная стратификация языка представляет собой, наряду с социальной дифференциацией общества, многомерное образование, функционирующее в различных измерениях. Как уже часто отмечалось в исследованиях по социолингвистике (У.Лабов, А.Швейцер, А.Петренко), для данной структуры характерно противопоставление двух плоскостей социально обусловленной вариативности языка – *стратификационной и ситуативной*.

В качестве основных единиц стратификационной вариативности языка рассматривают *языковые коллективы*, представляющих собой совокупность социально взаимодействующих индивидов, которые обнаруживают определенное единство языковых признаков. Впервые эта точка зрения получила систематическое развитие в трудах Е.Д.Поливанова о фонетических признаках социально-классовых диалектов и, в частности, русского стандартного языка; В.М.Жирмунского о роли национального языка и социальных диалектов, а также В.Д.Бондалетова об условно-профессиональных языках русских ремесленников и торговцев. Свое дальнейшее развитие данные проблемы нашли в трудах Ю.А.Жлуктенко, А.И.Домашнева, О.Е.Семенца, А.И.Чередниченко, Н.И.Филичевой, О.Б.Ткаченко, А.Д.Петренко, Л.И.Прокоповой, М.П.Дворжецкой и других лингвистов.

Исследования вариантов современного немецкого языка, связанных с действием социальных факторов, требуют принимать во внимание региональные факторы, проявляющиеся в речевом поведении носителя языка. Данные факторы могут проявляться как при анализе разговорных форм, так и стандартных. Региональные особенности говорящих сказываются прежде всего в рамках ситуативной вариативности. В зависимости от ситуации общения говорящие допускают большее или меньшее число диалектных реализаций. Для установления и идентификации подобных фактов, целесообразно использовать различные источники диалектных вариантов, включающих в себя не только исследования по диалектологии немецкого языка (работы В.М.Жирмунского, М.М.Гухман, А.Баха, Н.И.Филичевой, О.И.Москальской, А.И.Домашнева, В.М.Бухарова, А.Д.Петренко, С.Е.Перепечкиной, Э.Ш.Исаева, Д.М.Храбской, Н.Brinkmann, J.Goossens, M.Hornung, H.Protze, H.Rizzo-Baur и др.), но и имеющиеся в распоряжении лингвистов т.н. атласы немецких диалектов, как, например: *Deutscher Sprachatlas. – 23 Lieferungen. – Marburg, 1927–1956*; L.F.Weifert, *Deutsche Mundarten. – J.F.Lehmanns-Verlag. – München, 1964–1965*; Н.–Н. Wängler, *Atlas deutscher Sprachlaute. – Akademie-Verlag. – Berlin, 1974*.

Функционально-типологическая характеристика диалекта также включает социолингвистический признак взаимодействия диалекта с определенными социальными и возрастными слоями общества. По мнению М.М.Гухман, социальная база диалекта, как и социальная база литературного языка, – категории исторические, причем широта первой обратно пропорциональна широте второй [6, с. 81]. Поэтому, вопрос о принадлежности носителей диалекта к определенному социальному слою требует конкретно-исторического рассмотрения. Вряд ли можно утверждать, отмечает В.М.Бухаров, об однозначном и прямолинейном соответствии между носителем диалекта и социальным слоем общества. По мнению автора, функционирование как литературного языка, так и диалекта в малой степени связано с теми или иными слоями общества [10, с. 138]. Несмотря на то, что среди носителей диалекта большинство составляют жители сельской местности, отсутствуют основания для абсолютного отождествления, например, крестьян и носителей языка. Соотношение социальных слоев с формами существования языка нельзя, тем не менее, упрощать.

В исследованиях языковой ситуации в немецкоговорящих странах лингвисты часто отмечали, что диалектами пользуются низшие слои общества – крестьяне, фермеры, производственные рабочие, мелкие ремесленники и служащие, обладающие низким культурно-образовательным уровнем, тогда как к числу носителей литературного языка относили средние и высшие слои общества – чиновников, политических и государственных деятелей, отличающихся высоким уровнем образования. Сомнительность подобных утверждений не раз подвергалась критике в лингвистической литературе. Так, например, Г.Леффлер подчеркивал, что в Швейцарии и Австрии диалект используется представителями средних и высших слоев в качест-

ве основного средства общения в сфере общественной жизни [11, с. 56]. На этот факт обращает внимание и Н.И.Филичева, рассматривавшая специфику функционирования немецкого языка в Австрии и Швейцарии [4: 54–70]. Социально – коммуникативный статус местных диалектов в Швейцарии заметно отличается от его роли в других немецкоговорящих странах. Используемые в Швейцарии диалекты представляют собой поддиалекты единого алеманского диалекта. В силу относительной целостности своей структуры алеманский диалект выполняет функции обиходно – разговорного языка (Schwyzertütsch) и употребляется всеми жителями государства без каких–либо социальных и возрастных ограничений.

Сравнивая степень распространения и статус диалектов в Швейцарии и в Германии, В.Шенкер отмечает, что если в Германии местный диалект может явиться препятствием в социальном продвижении, то в Швейцарии, напротив, незнание диалекта может привести к социальным затруднениям [12, с. 98]. Подобное можно отнести и к характеристике языковой ситуации в Австрии. Так, например, П.Визингер подчеркивает, что языковая ситуация в этой стране имеет заметное сходство с южнонемецким субареалом, поскольку в Австрии также наблюдается расслоение устной речи в зависимости от социальных и ситуативных факторов, выделение в ней нескольких пластов, имеющих разное коммуникативное назначение и разную степень престижности [13, с. 193]. Тем не менее, сфера употребления диалекта в процессе общественной коммуникации не всегда ограничивается рамками повседневно – бытового общения. Диалекту принадлежит важная роль и как средству публичной речи: он используется в федеральных (Германия) и кантональных (Швейцария) советах, различных союзах, клубах. К диалектизмам часто прибегают и политики в целях установления коммуникативного контакта и соответствующей психологической атмосферы с аудиторией.

Ряд исследователей обращает также внимание на тот факт, что степень использования литературного языка или диалекта, может быть дифференцирована и по признаку пола. И.Тэлдеманн было установлено, например, что во Фландрии женщины больше соблюдают нормы стандартного языка в области произношения, чем мужчины [14, с. 52].

В 1990 году Л.Якобс провел опрос среди 400 молодых фламандцев, студентов государственного университета в Генте, с целью выяснения факта использования в обиходном общении дома местного диалекта. 50,5% мужчин и лишь около 30% информантов-женщин ответили на этот вопрос утвердительно. При этом 49% женщин заявили, что не стали бы использовать местный диалект даже в быту. У мужчин количество ответивших таким образом составило 28%. Автор указывает на парадокс, при котором родители вынуждены общаться на литературном языке больше с дочерьми, чем с сыновьями [15, с. 22].

К.Эрегат и Н.ван ден Меершот проанализировали речевое поведение информантов-мужчин и женщин в плане использования местного диалекта в различных ситуациях общения с разными партнерами во Фландрии (города Ронс, Мол, Асснед) и в Нидерландах (города Валкенсворд и Вестдорп) [16: 74]. Авторами был проведен анализ речевого поведения мужчин и женщин, проживающих в местностях, где употребление местного диалекта довольно распространено. Кроме этого, учитывалась ситуация общения информантов при постепенном переходе от непринужденной речи к более корректной (*“ranging from informal to formal”*). На основе своих наблюдений авторы сделали вывод о том, что мужчины в большей степени используют в речи формы местного диалекта чем женщины.

Лингвистами отмечался также тот факт, что использование диалекта и литературного языка может быть связано с возрастом говорящих. Я.Госсенс отмечает, например, что процент говорящих, использующих в повседневно общении литературный язык, более высок в среде младшего и среднего поколений, а среди людей старшего возраста в этой же сфере выше процент говорящих на диалекте [18, с. 46]. При этом в пределах того или иного социального слоя отмечается дифференциация в зависимости от возрастной группы населения. Согласно наблюдениям автора, в нижнегерманских регионах Германии подавляющая часть носителей языка, принадлежащих к старшему поколению, пользуется в обиходно-бытовом общении диалектом, в то время как молодые люди используют в качестве средства общения обиходно-разговорный язык. Во многих немецких городах население практически не пользуется местными диалектами, предпочитая им соответствующую форму городского обиходно-разговорного языка. Это связано с процессами миграции и смешения населения, обусловленными поисками работы или учебой в университетах, что приводит к необходимости пользоваться в обиходном общении такой универсальной формой языка, которая в большей степени соответствует требованиям современной жизни. В этой роли и выступает обиходно-разговорный язык.

Как показывает анализ лингвистической литературы по проблеме функциональной и социальной дифференциации современного немецкого языка, данные вопросы далеко не полно изучены в современном языкознании. Это касается не только характеристики форм существования языка в процессе их формирования и развития, но и связи с реальной действительностью в плане соотношения с определенными социальными слоями, возрастными группами и ситуациями общения. Социально обусловленные различия в функционировании современного немецкого языка продолжают интересовать лингвистов и социологов, поскольку отношения между социальными слоями и формами существования языка носят сложный и деликатный характер.

Источники и литература

1. Семенець О.Є. Соціолінгвістична типологія варіантів поліетнічної мови // Мовознавство. – К., 1986. – С.8–14.

2. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. К вопросу о предмете социолингвистики. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
3. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. – М., 1983. – 156 с.
4. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. – М., 1992. – 175 с.
5. Hermann–Winter R. Studien zur gesprochenen Sprache im Norden der DDR (Soziolinguistische Untersuchung im Kreis Greifswald). – Berlin: Akademie–Verlag, 1979. – 269 S.
6. Гухман М.М. Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – 284 стр.
7. Radtke I. Die Umgangssprache // Muttersprache. – Nr. 3, 1973. – 34–65 S.
8. Домашнев А.И. Концепция национального варианта литературного языка (Из опыта научного сотрудничества российских и украинских лингвистов) // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. – К.: Довіра, 1995. – С.136–150.
9. Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. – Материалы международной конференции (Москва, 22–25 октября 1996). – М., 1996. – 478 с.
10. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. – Н.Новгород, 1995. – 138 с.
11. Löffler H. Probleme der Dialektologie. Eine Einführung. – Darmstadt, 1974. – 435 S.
12. Schenker W. Schweizerdeutsch als Model. Zum Terminus Dialekt. – Wirkendes Wort. – H. 2. – 1973. – 67–87 S.
13. Wiesinger P. Die Entwicklung des Verhältnisses von Mundart und Standardsprache in Österreich // Sprachgeschichte. – Hrsg. Von W.Besch, O.Reichmann. – Berlin, New York, 1984. – 354–365 S.
14. Taeldeman J. Linguistic Sex Differentiation in Flanders // W. Viereck, ed. 1995. Proceedings of the International Congress of Dialectologists. Bamberg, 29.07.1990 – 04.08.1990. – Vol. 4. – Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – Beiheft 77, Stuttgart, 1995.
15. Jacobs L. Kennis en gebruik van de Nederlandse taalvarieteiten bij R. U. G. – studenten., 1990. – 234 p.
16. Erregat K. Taalgebruik, taalattitudes en taalgedrag in Ronse. Unpubl. lic. thesis R. U. G., 1988.; Van den Meersschaut N. Taalgebruik, taalattitudes en lexicale standaard in Assenede en Westdorpe., 1989.
17. Goossens J. Deutsche Dialektologie. – Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1977. – 576 S.

Кислицына Н.Н.

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ

Межъязыковой перевод подразделяется на два основных вида – письменный и устный. Устный перевод, в свою очередь, выделяет в качестве отдельных направлений синхронный перевод и последовательный перевод.

Устный последовательный перевод (УПП) представляет собой такой способ речевой деятельности, при котором «переводчик начинает переводить после того, как оратор перестал говорить, закончив свою речь или часть ее» [3, с. 289]. Особенности УПП обуславливаются спецификой исходного сообщения – продуктивной устной речью, предназначенной для одноразового восприятия. Результаты исследования, представленные Р.К.Миньяром–Белоручевым, свидетельствуют о том, что основной единицей, воспринимаемой при УПП, является слово [3, с. 301]. Оно создает смысловую опору высказывания, а успех аудирования исходного текста и его последующего перевода во многом зависит от умения выделить главные и важные смысловые единицы. Эти разнообразные единицы характеризуются рядом свойств, которые могут как облегчать запоминание текста (общие фоновые знания), так и значительно его усложнять (прецизионные слова).

Целью данной статьи является раскрытие природы закономерностей, а также описание основных свойств и правил универсальной переводческой скорописи.

Относительную гарантию полного и точного перевода исходной информации дает умение быстро фиксировать в письменной форме наиболее сложные моменты (имена собственные, географические наименования, даты, числовые данные и др.) Для этого используется специальная универсальная переводческая скоропись (УПС), владение которой является необходимым навыком последовательного переводчика [1, с. 116].

Основной функцией УПС является вспомогательная: УПС помогает удержать необходимую информацию в кратковременной памяти (при одновременном обдумывании перевода) с последующим, почти ментальным, воспроизведением.

Наиболее близкими к УПС формами краткой письменной фиксации информации являются *стенография* и *тезисы*. В отличие от стенографии, которая фиксирует не мысли, а слова, УПС служит для записи понятий и основных смыслов. Отличие УПС от тезисов заключается в том, что УПС более связано и логично отражает суть интерпретируемой информации.

УПС индивидуальна для каждого пользователя, но имеет ряд общих свойств. Как любая система, способствующая совершенствованию и оптимизации определенного процесса (процесса перевода), УПС опирается на ряд основных правил, среди которых следует выделить следующие:

- 1) использование специальных символов;
- 2) использование аббревиатур;
- 3) использование сокращенной буквенной записи;
- 4) вертикальное расположение записи.